

НАРОДОЗНАНИЕ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX в. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

На протяжении всего XIX столетия русская художественная литература была тесно связана с народознанием. Ее становление осуществлялось в русле тех мировых процессов, которые проходили в странах Западной Европы. Где раньше, где позже, но всюду в Европе, начиная со второй половины XVIII века, наблюдается изменение отношения к эстетике классицизма, во многом определившее происшедший в конце столетия перелом в общественном мировоззрении, и появление новой эстетики и новых литературных форм. Так возникает предромантическое движение, во главе которого стояли английские писатели и ученые.

Меняется и оценка народной культуры, и прежде всего, устного народного творчества. Просветительское отношение к фольклору как к проявлению бескультурия и остатков невежественной старины уходит в прошлое. С падением авторитета классицизма меняется и отношение к античной мифологии. В одном ряду с Гомером становятся образы древних северных скальдов и шотландских бардов. Вместо классицистических литературных образцов, воображение европейского читателя покоряют романы Ричардсона и Руссо. Пробуждается серьезный интерес к старине, как в литературе, так и в науке. Народная культура, ее значение в жизни народов рассматривается уже в мировом масштабе.

Учение Монтескье о роли климата в образовании национального характера явилось серьезным вкладом в европейскую этнографию. Не меньшее значение в формировании общественного сознания имели учение Вольтера "О духе и нравах народов" и работы Кондорсе о типах национальных культур. Трудно переоценить и то влияние, которое оказал на формирование воззрений на народную жизнь и устную народную поэзию Руссо, убедительно доказывавший, что именно в народе заложены и идеи социальной справедливости, и сущность национальной жизни. "Деревня, — утверждал он, — представляет собой страну, а ее население составляет нацию" [1]. Отсюда возникает и его отрицание городской цивилизации и городской культуры как искусственных и противоречащих человеческой природе.

Особый резонанс в европейских странах, в том числе и в России, получили идеи Перси и Гердера. Если Перси, давая оценку народной поэзии, акцент делал на моменте "древности", то Гердер — на народном характере, на своеобразии народной жизни, связывая ее с историческими судьбами нации.

Идеи Гердера оказали огромное влияние на всю европейскую литературу. Особенно популярен был Гердер в славянских странах. Недаром молодой Карамзин считал необходимым посетить философа, чтобы навсегда в своем сердце запечатлеть образ "великого мыслителя". Известно, что Н. Львов усвоил гердеровскую терминологию. Ученые-литературоведы много писали о влиянии Гердера на Радищева. Имя Гердера упоминает в своем "Рассуждении" Державин.

Пробуждению интереса русских писателей к фольклору и народной культуре вообще во многом способствовали труды английских ученых. В этом отношении особое значение имели работы английских филологов Томаса Вартона, поставившего вопрос о народных корнях старинной английской поэзии, и Роберта Вуда о гомеровской поэзии, утверждавшего, что поэзия Гомера имеет примитивный народный характер.

В потоке исторической и филологической литературы важное место занимали сборники шотландских песнопений Джемса Макферсона (1736 – 1796), литературная деятельность которого составила целую эпоху в истории мировой предромантической литературы. Джемс Макферсон, увлекавшийся фольклором и собиранием старинных рукописей, издал ряд сборников устной народной поэзии, объединив их в одно целое под заглавием "Сочинения Оссиана, сына Фингала" (1765). Собрание было снабжено двумя "рассуждениями", из которых одно написано самим Макферсоном, второе – ученым-историком Блером. В этих "рассуждениях" раскрывалось литературное и историческое значение собранных материалов. Фольклорные собрания и литературное творчество Макферсона создали в мировой литературе определенное течение, известное под именем оссианизма.

В России переводы оссианских поэм появились довольно рано. Вместе с ними в русской литературе зарождается стремление к изучению северной мифологии и активизируется внимание к русской национальной культуре, изучение которой достигает невиданных до тех пор масштабов в XIX столетии, в эпоху расцвета русской классической литературы.

Огромная, неоднородная по своему этнографическому составу Россия, жизнь ее народов, их исторические судьбы стали предметом глубоких раздумий и объектом пристального внимания ученого-этнографа, фольклориста-собиранителя, историка-исследователя и писателя-реалиста.

На необозримых просторах России хватало места под солнцем людям разных наречий и вероисповеданий: "...скиф, великоросс, хохол, татарин, грузин, мордва, армянин, чудь, черемис, киргиз-кайсак, забыл поляка, чухонца, еврея, румына, самоеда, немца-колониста<...>. Одни молятся царю небесному, другие – идолам, третьи – никому <...>. Одни картавят, другие горланят, третьи говорят с пришепоткой. Москва акает, володимирец окает, вятич цакает. А сколько в России языков – сосчитать надо", – писал в свое время, охватывая мысленным взором российские просторы, М. Осоргин [2].

Пестрая, "как теплое, переходящее по наследству <...> стеганое одеяло из цветных лоскутков" (М. Осоргин), Россия в то же время на протяжении веков представляла собой единое монолитное государство. Исторически обусловленное (насильственные завоевания, добровольный союз или мирная колонизация) этнографическое многообразие не вставало непреодолимой преградой на пути единения народов. Нередко малые народы находили покровительство и защиту от сильного и коварного внешнего врага. Вступая в состав империи, они вовсе не меняли свободу на рабство, а приобретали покровительство и безопасность. Недаром классик армянской литературы, Хачатур Абовян, в своем замечательном романе "Раны Армении", описав ужасы, творимые персами в ереванской крепости, восклицает: "Да будет благословен тот час, когда русские благословенной своей стопой вступили на нашу святую землю и развеяли проклятый злобный дух кизильбашей. Пока есть у нас дыхание в устах денно и ночью должны мы вспоминать пережитые нами дни и, увидя лицо русского, всякий раз перекреститься и прославить Бога, что услышал он нашу молитву, привел нас под могущественную державную руку русского царя".

Прибегая к экскурсам в историю Абовян вспоминает как варварски вели себя по отношению к завоеванным народам другие европейцы, например, к американским туземцам англичане: "...от пяти-шести миллионов туземцев на сегодня (30-е годы XIX в. – В.С.) не осталось и тысячи человек, да и те скитаются по горам и ущельям, как дикие звери, оплакивая свой черный день, и гибнут<...>. Другие европейцы разорили Америку <...> Русские восстановили Армению. Грубым, зверским народам Азии сообщили человеколюбие и новый дух" [3].

Всё это говорит о том, что народы, входившие в состав России, сохраняли свою национальную самобытность и, безусловно, представляли серьёзный интерес как для художника слова, так и для этнографа-исследователя.

Загадочное, таинственное многообразие этнографических красок России притягивало к себе внимание в одинаковой степени великоруссов Пушкина и Некрасова, датчанина Даля и малоросса Гоголя, еврея Шейна и белоруса Шпилевского и многих других отечественных мыслителей и художников слова, которые отдавали ей своё вдохновение и творческие силы, исследуя и отображая жизнь народа как центральной её части, так и национальных окраин.

Понимая, что основы творчества заложены в народе, русские писатели активно включались в процесс изучения глубинных основ национальной жизни, постигая мировоззренческие представления народной среды, её духовную и материальную культуру.

Первые русские фольклористы и этнографы – это писатели. Они же активно включаются в процесс изучения старинных исторических и литературных памятников. Признание исключительной важности национального начала в искусстве звучит в размышлениях как поэтов-декабристов, так и писателей пушкинской поры и «гоголевского направления». Работа писателя, связанная с исследованием национальной жизни народов, населяющих Россию, была сродни деятельности ученого-этнографа. Как для этнографа, так и для писателя-реалиста во все времена исходным материалом служила информация о народе, его быте, духовной и материальной культуре. Говоря о предпосылках творчества современного писателя, И. С. Тургенев отметил: "... одного таланта недостаточно, необходимо постоянное общение со средой, которую берешься изображать, <...> полная свобода воззрений и понятий – и наконец нужно знание" [4].

Опровергая взгляд на ранний период русского фольклоризма как донаучный, М.К. Азадовский, подчеркивая неотделимость фольклорных изучений первых десятилетий XIX в. от литературы, писал, что "они шли в ногу с веком вместе с русской литературой" [5]. То же следует сказать и об этнографии. Исследуя жизнь, нравственно-этические представления народа, русские писатели являлись незаменимыми "поставщиками" этнографического материала, а со времени образования Русского географического общества (1845) многие из них стали активнейшими членами его этнографического отдела.

Прослеживая ход накопления практических знаний и становление этнографии как науки, которая в 40-60-е гг. прошлого столетия представляла собой нерасчлененный комплекс знаний о народе (собственно этнография, фольклористика, история, антропология и язык) [6], нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что эти процессы были теснейшим образом связаны с общим развитием культуры и русской общественной мысли. "Появление отдельных этнографических концепций, борьба их между собой, – пишет А.С. Токарев, – всегда составляли лишь частицу огромного и сложного развития общественного знания, борьбы общественных идеологий" [7].

Будучи неразрывно связана с развитием общественного мировоззрения и общей историей идей, этнографическая наука оказывала исключительно

благотворное влияние на характер историко-литературного процесса, содействуя наиболее тесному сближению литературы с жизнью народа, выработке критического взгляда на социальную действительность.

Критицизм в русском реализме XIX в. всегда "сочетался с исследованием действительности, имевшей <...> подчас научное значение" [8]. Писатель-реалист всегда опирался на глубокий анализ жизненных явлений, главным для него было, как писал О. Бальзак, "прийти к анализу путем синтеза" [9]. В жизни, в повседневных человеческих отношениях, в быте народа, определяемых историческими обстоятельствами и национальными традициями, искали писатели прошлого столетия прекрасное и возвышенное, в действительности находили они источник вдохновения и черпали материал для осуществления своих творческих замыслов. Многие из них обратились к изучению жизни национальных меньшинств России, раскрыли их быт и нравственно-этический уровень, экономическое и социальное состояние, духовную и материальную культуру.

Со становлением народознания [10] во многом связан процесс демократизации русской литературы, укрепление в ней принципов народности и реализма.

Обращение русских писателей к тем или иным отраслям отечественного народознания определялось их стремлением добраться до самих истоков русской национальности, понять специфику исторической судьбы своего народа и предугадать наиболее оптимальный путь его дальнейшего развития.

Говоря об особом значении художественной словесности в общественной жизни России, Н.Г. Чернышевский в своих "Очерках гоголевского периода русской литературы" не без основания отмечал, что "литература в нашем умственном движении играет более важную роль, нежели французская, немецкая, английская литература в умственном движении своих народов, и на ней лежит больше обязанностей, нежели на какой бы то ни было литературе. Литература у нас пока сосредоточивает почти всю умственную жизнь, и потому прямо на ней лежит долг заниматься и такими вопросами, которые в других странах перешли уже так сказать в специальное заведение направлений умственной деятельности" [11]. Приблизительно так же определяет специфику восточнославянских литератур Д.С. Лихачев: "Ни в одной стране мира, – пишет он, – с самого начала ее возникновения литература не играла такой огромной государственной и общественной роли, как у восточных славян <...>. И с этим связана характерная черта художественной формы наших литератур. Общественная ответственность ведет за собой ответственность перед словом и своеобразный лаконизм наших литератур" [12].

Рассматривая литературу как важнейшее средство общественного служения, русский писатель-реалист брал в качестве героя не личность вообще, не некоего "интегрированного человека", а представителя определенной среды, выражающего лучшие черты национального характера своего народа. А это требовало всестороннего исследования этой среды.

Народоведческие изучения как нельзя лучше способствовали постижению общественно-экономического бытия, религиозных верований и вообще мировоззренческого уровня народной массы, давали писателю возможность глубже проникнуть в народное миропонимание, обеспечивали богатый материал для творчества и во многом определяли его художественную манеру. "Одной из важнейших линий в развитии литературы, – отмечает Д.С. Лихачев, – является постепенное нарастание художественной достоверности за счет достоверности прямой" [13]. Это положение ученого применимо как к литературе древней Руси, так и к литературе нового времени, когда научные или чисто

экономические интересы и социальные потрясения обостряли внимание русской общественности к жизни крестьянина и побуждали представителей разных идеологических направлений к изучению народного мировоззрения и народной культуры.

Раскрывая разные аспекты и направления деятельности в области народознания и определяя значение термина "народная культура", современный исследователь пишет, что изучение народа "отечественной этнографией, фольклористикой, социологией, литературой XIX столетия – познание огромного континента духовной жизни в его относительной суверенности – привело к тому, что за термином "народная культура" закрепилось разумеение совокупности сообщавшихся между собой стихий народного красноречия, переходящих памятников рукописной книжности, творений, вышедших из местных школ иконописного письма, искусства, созданного ремесленниками-прикладниками. Термин очерчивал всю сферу умственного бытия простолюдинов, включая их мятежные и еретические искания религиозно-философского толка, захватывая целые комплексы "верований и бытовых привычек масс" [14].

Почерпнутый из самих недр народной жизни народоведческий материал содействовал осуществлению в творчестве каждого писателя принципов историзма, социального детерминизма, обеспечивая возможность правдиво отразить эпоху и частный быт народа на той или иной ступени его исторического развития. Опосредованные, пропущенные через личностное сознание писателя жизненные факты становятся той "вытяжкой" из действительности, которая определяет реалистическую конкретность художественного произведения. Писатель-реалист, следуя принципу историзма, не ограничивается колоритом местности и времени, а стремится заглянуть во внутренний мир человека изображаемой эпохи, наиболее полно раскрыть черты его национального характера.

Особую роль в постижении и раскрытии национальной психологии и индивидуальных черт человеческого характера играет устная народная поэзия.

Не соглашаясь с мнением В.Е.Гусева, ратовавшего за фольклористику как самостоятельную науку, которая в своем движении должна избежать как Сциллы, литературоведения, так и Харибды, этнографии, К.В.Чистов справедливо считает, что "особенность фольклористики заключается и должна заключаться как раз в том, что она одновременно является наукой филологической и этнографической, поскольку всякое фольклорное явление есть всегда одновременно и факт народного быта, и факт словесного искусства" [15]. Фольклором был пронизан весь народный быт. В нем всегда отражался народный опыт и народное представление. Будучи "интегрирующей частью обрядов" – как производственных, так и семейно-бытовых, – народное творчество являлось в то же время важнейшей формой народной идеологии. Более того, фольклор сам является бесценным этнографическим источником" [16]. Возникнув в глубокой древности, устное народное творчество явилось для литературы художественной основой, своеобразной "поэтической колыбелью". Поэтому связь между литературой и фольклором естественна и закономерна, естественно и их художественное взаимодействие, проявляющееся в письменном словесном искусстве в использовании писателями идейно-художественной основы устно-поэтических произведений, их поэтических жанров, художественных приемов и средств художественной выразительности.

В настоящей статье лишь поставлен вопрос о важности изучения большой историко-литературной темы – проблемы взаимосвязи и взаимозависимости разных отраслей народознания и русской художественной литературы XIX в. Изучение этой проблемы – одна из актуальных задач современного литературоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Азадовский М.К.** История русской фольклористики. – М., 1958. – С.118.
2. Литературная газета. – 1990. – №44.
3. **Абовян Хачатур.** Раны Армении. – Ереван. 1948. – С.111, 107, 273.
4. **Тургенев И.С.** Полн. собр. соч. – М., 1961. – Т.Х. – С.354 – 355.
5. **Азадовский М.К.** История русской фольклористики. Указ.соч. – С.25.
6. Известный советский этнограф С.А. Токарев подчеркивает, что понятия «этнография» и «этнографическая наука» отнюдь не совпадают. Кроме этнографической науки существовала этнографическая беллетристика, где тот же этнографический материал представлен в яркой художественной форме литературного произведения. См. об этом: **Токарев С.А.** История русской этнографии». – М., 1961. – С.6.
7. Там же.
8. **Петров С.М.** Основные вопросы теории реализма. – М., 1975. – С.56.
9. **Бальзак О.** Собр. соч. – М., 1955. – Т. 15. – С. 505.
10. В понятие "народознание" нельзя вкладывать одинакового смысла применительно к разным этапам русской общественной мысли. Применительно к первой половине XIX в. оно означает не иначе, как весь комплекс сведений о народе, сообщаемых в основном в описательном плане; демократическое народознание, т. е. 60-70-е годы, рассматривало кроме всего прочего, вопросы социологии. См. об этом. **Базанов В.Г.** Русские революционные демократы и народознание. – Л. 1974. – С.6.
11. **Чернышевский Н.Г.** Полн. собр. соч. – М., 1947. – Т. III. – С. 303.
12. **Лихачев Д.С.** Прошлое – настоящему. – Л., 1985. – С.153.
13. **Лихачев Д.С.** Литература – реальность – литература. – Л, 1981. – С.7.
14. **Горелов А.А.** Н.С. Лесков и народная культура. – Л., 1988. – С. 4
15. **Чистов К.В.** Фольклор и этнография // Советская этнография. – 1968. – №5. – С. 3-4.
16. **Чистов К.В.** предостерегал от нетактичного использования фольклорного материала в качестве этнографического источника, поскольку в нем отражается не столько историческая действительность, сколько народное отношение к ней. См. об этом. **Токарев С.А.** Советская этнография. – 1968. – №5. – С. 7-9.